

**«ЗАПИСКИ ЖАНДАРМА» А. И. ЛОМАЧЕВСКОГО
О БЕЛОРУССКО-ЛИТОВСКИХ ГУБЕРНИЯХ
В СЕРЕДИНЕ XIX В.**

Шимукович С. Ф.

Белорусский государственный экономический университет
Минск, Беларусь

Аннотация. В статье рассматриваются обстоятельства появления воспоминаний жандармского офицера А. И. Ломачевского, анализируются структура и содержание мемуаров, обозначаются наиболее интересные сюжеты. Отмечается богатая фактура воспоминаний, отражающая повседневную жизнь и социально-бытовые процессы на белорусских землях в середине XIX в.

Ключевые слова: тайная полиция; жандармский офицер; «виленское дело» 1840–1841 гг.; история повседневности.

**«NOTES OF A GENDARME» BY A. I. LOMACHEVSKY
ON THE BELARUSIAN-LITHUANIAN PROVINCES
IN THE MIDDLE OF THE 19TH CNT.**

Shymukovich S. F.

Belarusian State Economic University
Minsk, Belarus

Annotation. The circumstances of the appearance of the memoirs of gendarme officer A. I. Lomachevsky are considered, the structure and content of the memoirs are analyzed, and the most interesting plots are outlined. There is a rich texture of memories reflecting everyday life and social processes in the Belarusian lands in the middle of the 19th century.

Keywords: secret police; gendarme officer; «Vilna affair» 1840–1841; history of everyday life.

Воспоминания бывшего жандармского офицера Асинкрита Ивановича Ломачевского, служившего некоторое время в Минске, были напечатаны в 1872 г. в трех номерах умеренно либерального литературно-политического ежемесячника «Вестник Европы» [1], который с 1866 г. издавал в Санкт-Петербурге известный историк и публицист М. М. Стасюлевич. Отметим, что это были первые известные нам воспоминания жандармского офицера, то есть лица, служащего в тайной полиции Российской империи, опубликованные для широкой публики. Значительно позже, в начале XX в., и особенно после революции 1917 г. (уже в эмиграции), будут опубликованы многочисленные воспоминания достаточно известных исторических персонажей, служивших в тайной

полицейской Российской империи и даже возглавлявших эту спецслужбу. В этой связи можно отметить мемуары А. И. Спиридовича, В. Д. Новицкого, П. Г. Курлова, П. П. Заварзина, А. П. Мартынова. Некоторые мемуарные материалы не были опубликованы, но стали известны историкам (В. В. Парфенова). Воспоминания А. И. Ломачевского были первыми, в которых отражалась деятельность представителя тайной полиции, в то время еще носившей название Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Отметим еще одну особенность – автор не был в числе руководителей данной спецслужбы, он служил одним из многих штаб-офицеров, представлявших интересы тайной полиции в каждой губернии.

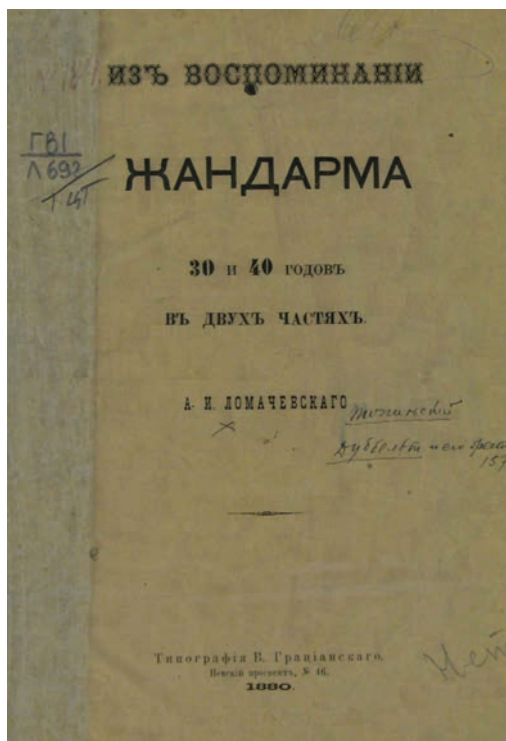

Рисунок 1. Титульный лист книжного издания воспоминаний
А. И. Ломачевского. 1880 г.

Источник: Государственная историческая публичная библиотека России. –
URL: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/97760-lomachevskiy-a-i-iz-vozpominaniy-zhandarma-30-i-40-godov-locale-nil-spb-1880#mode/inspect/page/1/zoom/4>
(дата обращения: 20.04.2025).

Воспоминания А. И. Ломачевского написаны достаточно легким языком и хорошим слогом, что позволяет судить о наличии у него определенных литературных талантов. Первоначально воспоминания состояли из двух частей. Пространная часть была посвящена детальному разбору деятельности особой следственной комиссии, которая разбирала так называемое «виленское дело» в 1840–1841 гг.¹ А. И. Ломачевский был включен в состав данной комиссии в 1841 г. одновременно с назначением флигель-адъютанта В. И. Назимова ее руководителем. Во многом благодаря Ломачевскому следственное дело было кардинально пересмотрено, наличие в Вильно антиправительственного заговора не подтвердилось фактами, вина большинства обвиняемых не была доказана. Меньшая по объему часть воспоминаний описывала службу жандармского офицера в западных губерниях, которая включала распутывание по поручению начальства разных дел, часто достаточно деликатных и запутанных, в ней также красочно был представлен быт жандармского офицера, его контакты с местными обывателями, личные оценки происходивших событий и т. д.

«Записки жандарма» получили определенную известность в обществе и среди историков и сделали «имя» автору. В дальнейшем А. И. Ломачевский опубликует еще несколько материалов исторического характера в журнале «Русская старина» и в газете «Минские губернские ведомости» [2, с. 590]. Определенный успех воспоминаний у специалистов, историческое значение источника, в котором были расписаны все хитросплетения вокруг следствия по «виленскому делу», – все это послужило тому, что воспоминания несколько позднее, в 1880 г., были изданы уже как отдельная книга [3].

Книжное издание несколько отличается от материалов, ранее опубликованных в «Вестнике Европы». Во-первых, объем текста стал больше, увеличилась биографическая часть воспоминаний, не связанная с описанием деятельности следственной комиссии по «виленскому делу», в этой части появились некоторые новые сюжеты из практики

¹ «Виленское дело» было начато как следствие по делу трех юношей (двух студентов Виленской медико-хирургической академии и учащегося гимназии), которые в апреле 1840 г. пытались тайно бежать из России в Пруссию, перейдя границу возле Юрбурга. При них была найдена «рукопись сочинения, наполненная поэтическими бреднями о вольности и дерзости, преступными выражениями против священной особы покойного государя (Николая I. – С. III.) и его августейшего семейства» [1, т. 34, № 4, с. 724]. Эта попытка побега состоялась по горячим следам раскрытия заговора Шимона Канарского и вскоре после его казни. В этой связи новый виленский генерал-губернатор А. Я. Миркович, боявшийся появления «тайного общества» и нового заговора, санкционировал проведение широкомасштабного расследования, в ходе которого, по разным оценкам, были арестованы от 70 до 110 человек.

работы А. И. Ломачевского жандармским офицером в бытность его службы в Минске. Также в книжном издании «биографическая часть» воспоминаний была перенесена в конец и стала второй частью под названием «Голубой мундир» с отдельной нумерацией страниц [3].

Рисунок 2. Парадная и походная формы жандармских команд. 1872 г.
Источник: Губарев, П. К. Перемены в обмундировании и вооружении войск
Российской императорской армии с восшествия на престол Государя
Императора Александра Николаевича / П. К. Губарев. – Санкт-Петербург:
Воен. тип., 1857–1881. – Илл. 559.

В первой версии обнародования воспоминаний в «Вестнике Европы» публикация как раз начиналась с биографической части, которая презентовала рассказчика и с пошаговой хронологической последовательностью подводила читателей в главному сюжету, ради которого вся эта публикация и была осуществлена, – к описанию так называемой

«виленской драмы». Что касается книжного издания, то там именно в первой части, которая так и называется – «Виленская драма с прологом», детально расписана деятельность виленской особой следственной комиссии и то, как А. И. Ломачевский распутывал клубок фальсификаций и махинаций «старых» членов комиссии, стремившихся сфабриковать громкое дело о громадном антиправительственном заговоре в Западном крае ради орденов и продвижения по карьерной лестнице. Эту часть воспоминаний автор написал на основании личного опыта, однако он особо отметил, что все важные факты им проверены и подтверждены документально и на конкретные документы им даются ссылки, так как при подготовке материалов для воспоминаний автор имел возможность пользоваться материалами следствия и документами переписки комиссии с правительственными учреждениями столицы. В этой связи автор настаивает на абсолютной объективности представленной им обществу информации.

Опубликование воспоминаний А. И. Ломачевского было вызвано именно необъективной подачей событий в Вильно в 1840–1841 гг. в материалах, которые были опубликованы в начале 1870 г. в другом авторитетном русском историческом журнале «Русский архив». Так, в первой главе записок Н. В. Берга о польских восстаниях и заговорах после 1831 г. автор (Берг) много места уделил описанию антиправительственного заговора, «открытого» по горячим следам после казни эmissара Шимона Канарского [4, с. 258–268], которого в реальности не было. Н. В. Берг не указал на то, что итоговое заключение особой следственной комиссии полностью отвергло мнение о существовании какого-либо заговора, и этим автор создал у читателей журнала ошибочное мнение о событиях 1840–1841 гг. в Вильно. Тем не менее Берг пользовался некими источниками информации, вероятно, предоставленными лицами из первого состава следствия, фабриковавшими обвинительные материалы. Как отмечает А. И. Ломачевский, «все это <...> заимствовано из таких материалов, положительная несостоятельность которых неопровержимо доказана следствием, произведенным особою комиссией под председательством генерал-адъютанта А. А. Кавелина» [1, т. 34, № 4, с. 747].

Достаточно вольное изложение «виленских событий» в заметках Н. В. Берга вызвало реакцию не только у А. И. Ломачевского, но и у еще одного члена окончательного состава особой следственной комиссии – М. И. Топильского, представлявшего в комиссии Министерство юстиции. Уже через полгода после обнародования первой главы заметок

Берга он публикует в шестом номере «Русского архива» статью под названием «Несколько слов о событиях в Вильне после казни эmissара Канарского». Автор очень мягко, не критикуя и не оспаривая факты, перечисленные в заметках Н. В. Берга, отмечает, что сведения, которые размещены в первом номере журнала в текущем (1870) году, нуждаются в дополнении: «...указание некоторых подробностей относительно обстоятельств этого времени не будет излишним дополнением к тем сведениям; подробности сии пояснят настоящее положение дела, показывая, в каком виде представлялось оное современным деятелям и что было предметом делания» [5, с. 1183].

Факты, которые приводит М. И. Топильский в своей статье, опровергают во многом информацию Н. В. Берга. Так, бывший член комиссии отмечает: «...прямых обвинений, за исключением четырех или пяти лиц, против остальных не было; дела возникали по подозрению, большею частью основанным на одних предположениях», а якобы координатор заговора эmissар Адольф Залесский, которого искала вся полиция западных губерний, «...не находился даже в России: в этом убедились не только подробнейшими розысканиями, но и сведениями, добытыми из-за границы» [5, с. 1187–1188]. М. И. Топильский раскрыл некоторые факты махинаций и фальсификаций со стороны членов первого состава следственной комиссии, но совершенно не упомянул о ключевой роли А. И. Ломачевского в закрытии следствия по делу о «фальшивом» заговоре. Несомненно, последнее слово в деле прояснения ситуации с «виленской драмой» должно было остаться за одним из главных очевидцев и за тем участником, который распутал весь клубок подтасовок и фальсификаций.

Анализ воспоминаний в части описания следствия по «виленскому делу» предполагает подготовку достаточно большого серьезного текста, как минимум статьи намного большего объема, чем позволяют материалы конференции. В данном тексте мы хотим в большей степени остановиться на «биографической» части воспоминаний А. И. Ломачевского, в ней мы находим прекрасные примеры, иллюстрирующие как действовавшие в 1830–1840-х гг. государственные порядки и управленческие технологии, так и яркое, живое описание быта и нравов в самых разных социальных слоях населения белорусских земель.

А. И. Ломачевский начинает повествование с ситуации, в которой состоялось его назначение губернским штаб-офицером корпуса жандармов. Оно совпало с пожаром в Зимнем дворце в декабре 1837 г. Тем не менее документы, как оказалось, не сгорели, и Николай I утвердил

назначение уже на следующий после пожара день. В Минске А. И. Ломачевский появился в марте 1838 г. и был радушно встречен губернатором С. И. Давыдовым, причиной послужила хорошая репутация нового штаб-офицера [1, т. 34, № 3, с. 246–247].

Начало службы А. И. Ломачевского в Минске совпало с активизацией действий правительства по присоединению униатской греко-католической церкви к православной церкви. Как отмечает автор, «...в продолжении всего 1838 года мне часто случалось посещать в разных местностях Минской губернии униатские храмы и разбирать более или менее крупные недоразумения, возникавшие по разным случаям» [1, т. 34, № 3, с. 250–251]. Одному из таких «недоразумений», случившемуся в Белостокской области, автор уделил особое внимание. На молодых униатских священников Паевского и Паньковского были написаны местным исправником доносы об их нежелании присоединяться к православию и соответствующем подстрекательстве прихожан, эти действия священников могли иметь следствием их высылку в Пермскую епархию.

По итогу двухнедельного мониторинга ситуации (А. И. Ломачевский просто жил на территории приходов и вел наблюдение) оказалось, что информация в доносе не соответствует действительности. Священники действительно вели службу по униатскому канону и не дали подписку о готовности присоединиться к православию, но только лишь потому, что не получили прямого указания об этом от епархиального начальства, а аналогичное требование к священникам со стороны исправника нарушало принцип субординации. В ходе личного объяснения Ломачевского с исправником Малининым и следователем в присутствии начальника Белостокской области Гунаропуло выяснилось, что «поводом к возникновению донесений Малинина было неточное понимание им своих обязанностей, неуместное вмешательство его в чужое дело, желание выказать свое всестороннее влияние и излишнее усердие, а со стороны следователя явное потворство Малинину, желание поддержать этого необразованного и ограниченного человека в ущерб истине» [1, т. 34, № 3, с. 251–252]. Сведения об этом деле были доведены до Николая I, который отменил решение о высылке священников в Пермь. Много позднее, в 1865 г., А. И. Ломачевский встретился с одним из них – Паньковским, и тот с благодарностью произнес знаковую фразу, процитированную Ломачевским в воспоминаниях: «Вы первый научили меня уважать голубой мундир, а не бояться его» [1, т. 34, № 3, с. 253].

В несколько другой ситуации А. И. Ломачевскому пришлось встать за представителей еще одного гонимого в Российской империи

религиозного течения – старообрядчества. Это дело носило скорее хозяйственный оттенок, а не религиозный, однако готовность жандармского офицера защитить лиц, религиозные убеждения которых порицались на официальном уровне, весьма показательна. К А. И. Ломачевскому обратились крестьяне из Петрикова, имения графа Ходкевича. Их предки бежали в Речь Посполитую из России в период реформ патриарха Никона, они осели в Петрикове, где арендовали земли у Ходкевичей, но сохраняли личную свободу. В начале XIX в. Ходкевич «прикрепил» староверов к имению, судебные разбирательства длились более тридцати лет, при этом суд, состоящий из дворян, помещиков, четыре раза выносил решение в пользу крестьян, подтверждая их право на личную свободу. Однако граф Ходкевич регулярно подавал апелляции в гражданскую палату, где пользовался полной поддержкой, и судебные тяжбы продолжались.

Жандармский штаб-офицер не имел права вмешиваться в работу суда, о чем Ломачевский и предупредил просителей, которые, в свою очередь, попросили разыскать ревизскую сказку времен Екатерины II. Со слов крестьян, в этой переписи они были обозначены как приписанные к местечку для отбывания государственных повинностей, но лично свободными. Этот документ стал бы решающим в судебных разбирательствах. Как оказалось, данные документы в 1812 г. были эвакуированы в центральные губернии империи, потом возвращены и десятилетиями лежали неразобранными казенной палатой. По требованию Ломачевского документы были разобраны, нужная справка найдена, в справке обнаружился подлог, сделанный служащими гражданской палаты в пользу Ходкевича (приписка другими чернилами в одной из фраз на оригинале документа, кардинально менявшая статус петриковских староверов). Об этом происшествии было доложено шефу жандармов А. Х. Бенкендорфу, а Сенат, со своей стороны, признал петриковских староверов свободными и поручил минской казенной палате «...приписать их в мещане, куда пожелают» [1, т. 34, № 3, с. 260–262].

Не меньший интерес представляет история, в которой А. И. Ломачевский выступил защитником прав минского еврея Ёселя Каплана. Это дело возникло в результате еще одного подлога, совершенного чиновниками минской губернской администрации. Ёселя Каплана обвиняли в нескольких «преступлениях», в первую очередь в сокрытии его самого, жены и детей от регулярных ревизий (в современной интерпретации – в уклонении от уплаты налогов). За это полагалось жестокое наказание – лишение прав состояния, наказание плетью и высылка

в Сибирь. Обвинение было инспирировано представителями местного еврейского сообщества, в конфликт с которым вступил Каплан. Минские евреи подкупили служащих казенной палаты, которые подготовили справку о том, что в ревизских сказках (переписях) Капкан (а не Каплан) не числится – в фамилии была изменена всего одна буква, и это стало основанием для уголовного дела в отношении абсолютно невиновного человека. В дальнейшем письмоводитель казенной палаты, готовивший документ, оправдывался неразборчивостью почерка в запросе, однако очевидной причиной был подкуп ряда должностных лиц, составивших и визировавших данный документ.

Подлог в документах был раскрыт очень вовремя, так как решение уголовной палаты о наказании Каплана было уже утверждено губернатором, и Каплан ожидал приведения приговора в исполнение. Для пересмотра дела требовалось ходатайство Сената, а это означало, что информация о злоупотреблениях в Минске выходила за пределы губернии. Губернатор Н. В. Сушков признал свою ошибку, Сенат дал согласие на пересмотр дела, Ёсель Каплан был полностью оправдан, а виновные понесли наказание [1, т. 34, № 3, с. 260]. Тем не менее это дело, как и многие другие, не испортило отношения Ломачевского с губернатором Сушковым и другими высшими чиновниками Минска, с которыми штаб-офицер часто играл в карты и встречался на балах и приемах.

В воспоминаниях А. И. Ломачевский описывает два весьма интересных дела, связанных с темой физического, в том числе сексуального насилия владельцев в отношении крепостных. Одно из них расследовалось автором лично, о другом он был информирован в силу служебного положения. Второе дело очень напоминает историю с русской помещицей Салтычихой, имя которой стало нарицательным и ассоциируется с маниакальной, неоправданной жестокостью.

Действие происходило в имении, принадлежавшем дворянке Стоцкой. Владелица имения приказала засечь до смерти свою горничную, молодую и очень красивую девушку. Причиной казни стала ревность к одному из слуг, фаворитов помещицы. При этом казнь была осуществлена с извращенными садистскими приемами, хозяйка лично присутствовала при избиении (оно несколько раз прерывалось с целью продлить страдания жертвы) и, по словам очевидцев, получала «...видимое наслаждение, слушая страдальческие стоны ее, спокойно отирала носовым платком разлетающиеся по стенам и попадавшие ей в лицо обильные брызги крови». После убийства девушки помещица приказала своим поварам разрезать тело убитой на куски, сварить его и скормить

дворовым собакам, при этом весь процесс садистка Стоцкая контролировала лично. Приговоренная к каторге, Стоцкая приняла яд и умерла в тюрьме. В своих воспоминаниях автор горячо поддерживал отмену крепостного права, так как понимал, что «...если не такие, то близко похожие на это события проходили иногда совершенно безнаказанно!» [1, т. 34, № 3, с. 264–266].

Рисунок 3. Канут Русецкий. Жнея. 1843 г.
(Открытый источник, общественное достояние)

Еще одно дело, связанное с сексуальным насилием над крепостными, А. И. Ломачевский расследовал в соседней Витебской губернии, в Лепельском уезде. В отношении владельца имения Лючицы, помещика Гарновского¹, по высочайшему повелению в 1840 г. было возбуждено дело о насилии в отношении молодых незамужних крестьянок. Жалобу императору подал крестьянин Вечерский, недовольный тем, что следствие, уже начатое несколько лет назад, затянулось, а помещик про-

¹ В журнальной версии воспоминаний 1872 г. автор приводит неполную фамилию – Гар-ский; и только в книжном издании 1880 г. фамилия помещика приводится полностью [3, ч. 2, с. 47].

должал практику, когда все молодые крестьянки должны были перед замужеством иметь сексуальные отношения с владельцем. При этом помещика также обвиняли в смерти двух очень молодых девочек, не вынесших сексуального насилия, и в том, что помещик живьем закопал в землю двух крестьян, выступивших против хозяина.

Следствие было несложным, так как Ломачевскому было передано дело на более чем 1200 листах, составленное его предшественниками. Сверяя его с новыми показаниями опрашиваемых крестьян, выяснилось следующее: двое наскорю закопанных без христианского обряда умерли от холеры, важно было не допустить распространения инфекции; две «девочки» оказались возрастом 19 и 21 лет, насилия в отношении их не обнаружено; но подтвердилось то, что все замужние крестьянки «...пожертвовали ему свою невинность перед выходом в замужество, что письменно подтвердил и сам Гар-ский» [1, т. 34, № 3, с. 282–283]. При этом помещик-холостяк делал щедрые подарки, и многих крестьянок это, как оказалось, вполне устраивало, но другие женщины обвиняли хозяина «...в бесцеремонном обращении с ними где и как попало и среди белого дня, какая присуща только безсловесному скоту» [3, ч. 2, с. 47]. По итогам окончания следствия имение Гарновского было отдано в опеку.

В расследовании сложных дел и в наблюдении за ситуацией в губернии жандармским штаб-офицерам крайне важно было получать объективную и полную информацию и в целом уметь с ней работать. Эффективность работы А. И. Ломачевского во многом была обусловлена его коммуникативными способностями, хорошо отработанными каналами коммуникации, репутацией человека, реально решавшего проблемы. Вот как он объяснял губернскому предводителю дворянства Л. Ф. Ошторпу, подозревавшему наличие у жандармов широчайшей сети шпионов, эффективность своей работы: «...если в обществе сложится убеждение, что я не пустой фат, не лентяй, что сумею разобрать сущность дела, как бы оно сложно и запутано не было, <...> лица сами позаботятся, чтобы я как можно скорее узнал о событии и взглянул на него с той точки зрения, откуда оно представляется в желаемом им виде. Вот мои средства, вот мои агенты, других у меня нет» [1, т. 34, № 3, с. 263–264].

Непосредственно перед включением в состав виленской особой следственной комиссии А. И. Ломачевский имел возможность на отдельном частном эпизоде уяснить, как может один ложный донос уничтожить невинного человека. В ноябре 1840 г. он получил предписание от виленского генерал-губернатора А. Я. Мирковича отправиться в Пинский уезд, где необходимо было провести тщательный обыск у бывшего уезд-

ного предводителя дворянства Зеленского, арестовать его и отправить с жандармом под строжайшим надзором в Вильно. В Пинске в течение нескольких дней Ломачевский, не раскрывая своей миссии, собирал информацию об интересующем его лице. При этом выяснилось, что фамилия этого человека Заленский, он владелец большого имения Червище с 500 душами, ни в каких предосудительных действиях никогда не был замечен, абсолютно лоялен властям, награжден орденами, долго служил председателем гродненской гражданской палаты, но никогда не был предводителем дворянства, ведет тихий семейный образ жизни и его супруга вот-вот ожидает рождения шестого ребенка. Как пишет автор: «По опыту мне хорошо было известно, что поводом к подобному аресту могло послужить тогда ничтожное обстоятельство вроде того, например, что какой-нибудь прощелыга высказал в следственной комиссии, что ему известен Зеленский за человека, ведущего заграничную переписку с выходцами из края и вообще неблагонамеренного правительству» [1, т. 34, № 3, с. 284–285].

А. И. Ломачевский воспользовался формальным поводом затянуть дело с арестом и выслал запрос руководству: «...можно ли арестовать бывшего председателя Заленского вместо бывшего предводителя Зеленского (которого в Пинском уезде не оказалось)», и это оказалось самым верным решением. Осторожность при применении жестких мер, стремление не навредить невиновному человеку имели следующий результат: «...генерал-губернатор письменно объявил мне благодарность за осторожность и предусмотрительность, объясняя, что вместе с моим донесением о Заленском он получил уведомление киевского генерал-губернатора Д. Г. Бибикова, что арестант, оговоривший Зеленского, сознался во лжи» [1, т. 34, № 3, с. 287–288].

Как отмечает сам А. И. Ломачевский, следствие по двум делам – об униатских священниках Паевском и Паньковском и развязка вопроса о Заленском – самым существенным образом повлияло как на его отношение к действиям в составе виленской особой следственной комиссии, так и в целом на всю дальнейшую службу, где всегда нужно было быть строгим, но осторожным и осмотрительным.

Воспоминания жандармского штаб-офицера А. И. Ломачевского представляют собой чрезвычайно интересный и важный исторический источник, в котором представлен богатый материал, характеризующий как систему государственного управления николаевской эпохи и место в этой системе особого корпуса жандармов, так и достаточно живо и непосредственно описывающий повседневную жизнь людей в эпоху

острого кризиса крепостничества. В предисловии к журнальному изданию редакция отмечала: «...рукопись эта, по нашему мнению, представляет еще и особый интерес, так как при ее чтении мы не только выслушиваем свидетельское показание современника по определенному делу, <...> но вместе с тем знакомимся, благодаря очевидной искренности автора с порядками отжившей эпохи, когда бедствия крепостного состояния, отсутствие гласности в суде и в печати, необузданность при этом произвола администрации и ужасающее взяточничество и казнокрадство вынуждали само правительство создать искусственную гласность для собственного употребления; таким-то орудием искусственной гласности, при полном отсутствии гласности естественной, как то видно из воспоминаний автора, являлся так называемый “голубой мундир”» [1, т. 34, № 3, с. 242]. Полагаем, что данные воспоминания имеют значительный потенциал в изучении самых разных аспектов истории белорусских земель в середине XIX в., начиная от анализа государственной политики в регионе и до исследования бытовых аспектов повседневной жизни обывателей.

Список использованных источников

1. *Ломачевский, А. И.* Записки жандарма / А. И. Ломачевский // Вестник Европы. – Санкт-Петербург, 1872. – Т. 34, № 3 (март). – С. 242–288; № 4 (апрель). – С. 723–757; Т. 35, № 5 (май). – С. 296–326.
2. *Е-ий, А.* Ломачевский, Асинкрит Иванович / А. Е-ий // Русский биографический словарь: Лабзина – Ляшенко / Изд. Императорским Русским Историческим Обществом: под ред. Н. Д. Чечулина и М. Г. Курдюмова. – Санкт-Петербург: Тип. Гл. упр. уделов, 1914. – Т. 10. – С. 589–590.
3. *Ломачевский, А. И.* Из воспоминаний жандарма 30 и 40 годов: в 2 ч.: Ч. 1: Виленская драма с прологом; Ч. 2: Голубой мундир / А. И. Ломачевский. – Санкт-Петербург: Тип. В. И. Грацианского, 1880. – 159, [1], 66, [1] с.
4. Записки Н. В. Берга о польских заговорах и восстаниях после 1831 года / Н. В. Берг // Русский архив. – Москва: Тип. А. И. Мамонтова и Ко. – 1870, Вып. 1 (январь). – С. 201–268; Вып. 2 (февраль). – С. 257–268.
5. *Топильский, М. И.* Несколько слов о событиях в Вильне после казни эмиссара Канарского / М. И. Топильский // Русский архив. – Москва: Тип. А. И. Мамонтова и Ко. – 1870, Вып. 6 (июнь). – С. 1183–1198.